

«ДРУГАЯ ЖИЗНЬ» АЛЕКСАНДРА ЗАВОЛОКИНА

Герой этого очерка широкой публике известен в основном как музыкант, композитор, исполнитель частушек и народных песен, как, наконец, один из знаменитых братьев Заволокиных, еще при жизни ставших легендой современной русской народной культуры. Но это только одна сторона его творческой сущности. Была и другая, пусть менее яркая и заметная на фоне «визитной» — музыкальной и артистической, однако же не менее интересная и важная.

Музыкант, журналист и коллега А. Заволокина Олег Иванченко отмечает: «Многие считают, что рабочими инструментами Александра Заволокина являются только балалайка и гармошка. Не только. Еще ручка и лист бумаги»¹.

Вот об этой грани творческого дарования Александра Дмитриевича, до сих пор остающейся как бы в тени его с братом музыкальной славы, и хотелось бы поговорить.

* * *

Когда мы в конце 1987 года с А. Заволокиным познакомились, они с Геннадием были уже необыкновенно популярны. Знакомство наше состоялось в редакции «Сибирских огней». Я работал тогда заведующим отделом прозы. В один из октябрьских дней на пороге моего кабинета возник наш главный редактор Г. Карпунин с незнакомым мне крупным мужчиной. Лицо его кого-то напоминало, хотя встречаться с ним мне не доводилось.

— Вот, познакомься, — сказал Карпунин, подталкивая гостя к моему столу, — Александр Дмитриевич Заволокин. — И, наверное, чтобы снять мои последние сомнения, добавил: — Старший из дуэта Заволокиных.

Я пожал гостю руку, недоумевая, каким ветром его, представителя совсем другой культурной сферы занесло в литературный журнал.

Словно читая мои мысли, Карпунин пояснил:

— Александр Дмитриевич не только музыкант, но и в слове себя пробует. — Сделал паузу и добавил: — Да он тебе сам все покажет и расскажет. Разберешься. — И вышел, оставляя меня один на один с именитым артистом.

Несколько позже я узнал, что сам Карпунин с Александром познакомился тремя годами ранее в селе Бергуль на севере Новосибирской области, где они пересеклись на открытии дома-музея П.П. Бажова. В рассказе «Слух поплыл без паруса, без весел...» А. Заволокин так описал эту встречу:

«В тот вечер мне посчастливилось познакомиться с заместителем главного редактора (через три года он станет главным — А.Г.) журнала «Сибирские огни» известным поэтом Геннадием Федоровичем Карпуниным. О многом тогда мы с ним переговорили. Я рассказал о первых своих литературных опытах и получил приглашение к творческому сотрудничеству...»²

И вот, созрев, видимо, за три года для такого сотрудничества, или набравшись смелости, А. Заволокин пришел в редакцию.

Присев на краешек стула по другую сторону моего стола, гость нервно порылся в небольшом портфельчике, извлек оттуда канцелярскую папку с тесемками, развязал их, подвинул папку мне.

— Вот... — сказал он, явно робея и чувствуя себя очень неуверенно. — Тут наброски кое-какие, зарисовки. Не посмотрите?

¹ Иванченко О. Для радости душевной. // «Частушки от братушки». *Выпуск второй*. — Новосибирск, 2004, с. 3 — 4.

² Заволокин А. Вот так они и жили. *Рассказы, очерки, эссе, миниатюры*. — Новосибирск, 2010, с. 20.

Первым моим желанием было отфутболить посетителя, сказав, что всякие там «зарисовки», «наброски» и «черновики» мы не принимаем, а дело имеем с законченными произведениями. И был бы, придерживаясь буквы редакционных регламентов, совершенно прав. Но напротив меня сидел известный всей стране артист и привел его не кто-нибудь, а сам главный редактор, поэтому... Да и, сказать честно, меня заело любопытство: что же такого интересного мог написать пусть хоть и широко известный в своей области, но все же далекий, как мне тогда казалось, от литературного ремесла человек.

Когда мы распрощались, я начал читать. В папочке с машинописными листками, что передал мне А. Заволокин, было десятка три коротких новелл, лирических эссе и миниатюр о родной сибирской земле, ее природе, людях, о детстве в деревне послевоенной поры...

Были они, как я и предполагал, очень сырые, корявые, над ними надо было еще работать и работать, но даже в таком непрезентабельном в литературном отношении виде вызвали неподдельный интерес. В них билась, пульсировала живая не придуманная жизнь русского народа, сибирской глубинки, с которой, чувствовалось у автора кровная связь. Теплая и светлая любовь к родной земле и людям, на ней живущим, пронизывала простые нехитрые истории, рассказанные А. Заволокиным.

Да, автору явно не хватало литературного мастерства. Но это было делом поправимым и наживным. Было бы что поправлять. И я стал работать.

Дело оказалось непростым. С одной стороны, иногда приходилось чуть ли не переписывать исходный текст, чтобы сделать его удобоваримым, литературно грамотным, и авторскую мысль прояснить, а с другой — и автору не навредить, сохранить его самобытность и своеобразие. И, наверное, мне это удалось. Во всяком случае, когда, отредактировав рассказы, я вызвал Александра Дмитриевича посмотреть на плоды моего труда и согласовать правку, он долго всматривался в предложенный мною вариант текста, а потом удивленно воскликнул:

— Надо же! Весь смысл тот же остался, все, что хотел сказать вроде бы на месте и мое, а звук другой — чище, полнее, красивее. Словно на простор вырвался! Да и красками новыми оброс, вариациями. Это, знаете, как с песней: создается мелодия на какую-то тему или слова, но пока она еще только «рыба», грубая основа. А вот уж после обработки, аранжировки песня и получается... От аранжировщика и зависит в основном, какими красками она в конце концов заиграет.... — Александр Дмитриевич бережно сложил листки с моим вариантом текста и, как бы подводя итог, сказал: — Вот и у нас с вами: я — мелодист, вы — аранжировщик. И спасибо за то, что вы с ними, — Заволокин показал на миниатюры, — сделали.

В августовском номере 1988 года «Сибирские огни» опубликовали цикл лирических новелл и миниатюр А. Заволокина под общим заголовком «Нужна земля человеку». Литературный дебют известного музыканта состоялся. Вспоминая о нем, Александр Дмитриевич в зарисовке «Перепутали» позже напишет:

«Радости моей от появления на страницах популярнейшего тогда сибирского литературно-художественного периодического издания не было предела. Журнал выходил большим тиражом, распространялся по всему Советскому Союзу, имел широкого и устойчивого читателя. Публикация не осталась незамеченной. Через какое-то время я получил почтовый конверт из «Политиздата, в котором обнаружил гранки с моими рассказами и письмо с просьбой напечатать их в отрывном календаре на ближайший год. Тиражи таких календарей («чисельников», как их в народе называли) доходили до семи миллионов экземпляров. Это было для меня настолько неожиданно, что я заволновался и позвонил главному редактору «Сибирских огней» Карпунину.

— Что делать? — спросил.

— А ничего, невозмутимо ответил Геннадий Федорович. — Напиши на гранках в левом верхнем углу «сверил, автор», поставь подпись и верни обратно. Рад за тебя.

Потом печатали меня и в больших иллюстрированных настенных календарях. А мои друзья-гармонисты и поклонники нашего с братом творчества присылали мне вырванные из календарей листочки с моими рассказами и миниатюрами. И я был бесконечно счастлив оттого, что они, разлетевшись по городам и весям, обрели читателей в различных уголках нашей огромной родины...»³

Но пройдет еще добрый десяток лет, прежде чем та первая литературно-художественная публикация А. Заволокина получит свое продолжение и развитие в новых журнальных подборках и книгах, которые на рубеже веков одна за другой будут выходить в Новосибирске.

* * *

А на заре туманной юности ничто не предвещало, что начинающий тогда музыкант А. Заволокин станет в будущем еще и интересным литератором, оригинальным прозаиком.

Родился Александр Дмитриевич Заволокин 25 марта 1946 года в селе Коровино Парабельского района Томской области. Сюда, в Нарымский край, в начале 1930-х годов из алтайского села Мезенцево были вывезены его деды Захар Федорович Заволокин (по отцу) и Елизар Егорович Колмогоров (по матери). Здесь же, в ссылке поженились их дети Дмитрий Захарович и Степанида Елизаровна. В августе 1938 года родился у них первенец Анатолий. А в 1942-м Дмитрия Захаровича забрали на фронт. Ему повезло. Хоть и раненый (левая рука перебита, в плечевом суставе, в голове осколки) но все же живой вернулся. Остаток Великой Отечественной войны он проработал бригадиром полеводов. В первый послевоенный год у Заволокиных появился еще один сын — Саша, за ним, через два года — Гена.

В 1953 году после смерти Сталина всем «лишенцам» и «спецпереселенцам» было разрешено покинуть места ссылки, и семья Заволокиных навсегда рассталась с Парабелю, отправившись в поисках подходящего места жительства вверх по Оби. В дороге добрые люди подсказали, что едва ли не самое подходящее место жительства на берегах Оби — это поселок Сузун с благоприятным для здоровья климатом и прекрасным бором. Здесь и обосновались. А в 1954 году родилась у Заволокиных дочь Валентина.

В Сузуне проходили школьные годы братьев Заволокиных. После седьмого класса Александр пришел устраиваться в районный дом культуры на работу баянистом. Должность эта была уже занята. «Что ты еще умеешь делать?» — спросил его директор ДК. «Плясать!» Кроме «Яблочко» Александр плясать ничего практически больше не умел, но директор на работу его взял, написав в приказе: «принять на работу в Сузунский ДК в качестве руководителя танцевального кружка». Так в июне 1961 года началась трудовая деятельность А. Заволокина.

«Чем только не приходилось заниматься в мое первое трудовое лето! — вспоминал впоследствии Александр Дмитриевич. — Вечерами «крутил танцы» на танцплощадке — как-никак, а это соответствовало моей штатной должности, играл на баяне, ездил с агитбригадой, плясал и даже иногда подменял контролера на киносеансах...»⁴. Что касается «Яблочко», то оно в дальнейшей артистической жизни А. Заволокина очень даже пригодилось. «Через пятнадцать лет, уже работая на эстраде, я однажды «сбацал» пару колен «Яблочко», а теперь ни один из концертов не обходится без танцевальных «кренделей».

Потом было заочное обучение на оркестровом отделении в Новосибирской культпросветшколе, а в 1964 году Александр с Геннадием, поступают на первый курс народного отделения в Новосибирское музыкальное училище (Александр — по классу

³ Заволокин А. Вот так они и жили. *Рассказы, очерки, эссе, миниатюры*. — Новосибирск, 2010, с. 22.

⁴ Заволокин А. Речка-судьба. *Повесть-воспоминание*. — Новосибирск, 2000, с. 60.

балалайки, Геннадий — домры). Александр к этому времени успел еще окончить сузунскую вечернюю среднюю школу и получить аттестат зрелости.

Правда, проучиться Александру в музыкальном училище пришлось только год. После первого курса, осенью 1965 года его призвали в армию. Но ему повезло. Он опять оказался в музыкальном коллективе: служил в Новосибирском ансамбле песни и пляски войск МВД. С ним Александр впервые попал в Москву, где в 1967 году участвовал в сводных концертах в Кремлевском Дворце Съездов, посвященных 50-летию СССР. Демобилизовавшись в 1968 году, А. Заволокин восстанавливается в училище и, завершает музыкальное образование.

На этом, собственно, и заканчивается сузунская пора жизни братьев Заволокиных. О ней много позже Александр расскажет автобиографической «повести-воспоминании» «Речка-судьба». Расскажет увлекательно, ярко, поэтично, с колоритными сочными деталями и неподражаемым народным юмором. А еще — с любовью и нежностью к дорогим и близким людям, своим землякам, к родным привольным местам, олицетворенным в сквозном, пронизывающем все повествование образе-символе «речки-судьбы».

После окончания в 1971 году музыкального училища А. Заволокина направили по распределению руководителем ансамбля русской песни и танца в... Колыванский сельскохозяйственный техникум. Попал он туда не случайно. Его очень хотел заполучить директор техникума В.А. Титарев — страстный любитель народных песен, танцев, музыки.

В Колывани Александр получил не только работу, но и, поскольку к этому времени успел жениться, двухкомнатную квартиру. Жена его, тоже музыкант, устроилась в местную музыкальную школу.

Отношения между Александром и его будущей супругой завязались еще в музыкальном училище. В лирическом этюде «Зимние настроения» Заволокин вспоминает, как все тогда начиналось.

«После службы в армии меня как старшего по возрасту (среди студентов училища — А.Г.) назначили инспектором оркестра... Однажды я организовывал погрузку музыкальных инструментов в автобус, а молодежь позанимала все места, и мне пришлось ехать стоя. Вот здесь-то и произошла приятная неожиданность.

— Саша, иди сюда, есть место, — услышал я.

Я протиснулся по заставленным инструментами проходу и увидел однокурсницу, совсем еще молодую девчонку — домристку по имени Рая.

— Садись! — пригласила она, показав место рядом с собой...

После концерта я уже сам попросил Раю занять в автобусе для меня место, поскольку опять занимался погрузкой реквизита.

Потом мы часто ходили в кино, вместе занимались музыкой... И я с неудержимым желанием бежал в училище, чтобы увидеть Раю... Так я встретил свою любовь...»⁵

Забегая вперед, скажу, что любовь эта продолжалась более сорока лет их совместной жизни, до тех пор, пока не стало Александра Дмитриевича, и теплым проникновенным светом не раз воссияет она в его произведениях, посвященных Раисе Васильевне Заволокиной («Любовь неугасимая», «Зимние настроения», «Грибная Доволенка» и др.).

Из Колывани Александр и Раиса Заволокины перебираются весной 1973 года Новосибирск. Работал Александр поначалу в новосибирском доме культуры имени Клары Цеткин хормейстером народного хора, которым руководил брат Геннадий. А в 1974 году братья становятся артистами Новосибирской государственной филармонии, выступают с программой «Частушка на эстраде» (позже просто «Частушка»).

И начинается их концертная жизнь с бесконечными разъездами. Выступают они как в простых сельских клубах, так и на лучших концертных площадках страны — Большой

⁵ Заволокин А. Родное и близкое. Миниатюры, эссе. Сибирские побасенки. — Новосибирск, 2007, с. 52 — 53.

зал Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Колонный зал Дома Союзов, Большая концертная студия «Останкино»... Заволокины снимаются в программах Центрального телевидения «Шире круг!», «Спойте, друзья!», «Утренняя почта», участвуют в передачах Всесоюзного радио «Доброе утро», «Это звонкое чудо — частушка». А в 1985 году создают и собственную телепередачу «Играй, гармонь!», которая собирает многомиллионную аудиторию любителей и ценителей русской народной музыки, а их самих делает знаменитыми. Еще через год Заволокины становятся «Заслуженными артистами России»...

Как видим, стопроцентно музыкальная биография. Были ли в ней время и место занятиям литературным? Оказывается, были. И даже подчас неотъемлемой частью занятий музыкальных.

* * *

А началось с увлечения сибирским фольклором. Частушками, в первую очередь. О том, как это было, А. Заволокин расскажет сорок лет спустя в книге «Госпожа Частушка». Однажды его однокурсница музыкального училища подарила ему на день рождения книгу «1000 частушек Ленинградской области». Александр раскрыл ее и безоговорочно влюбился в чудодейственные частушечные четверостишия. А книга эта, по его признанию, «стала самым лучшим и дорогим в жизни подарком». И подумалось тогда, «а не собрать ли мне свою тысячу частушек — только уже Новосибирской родной области»⁶. И довольно скоро появились первые «ласточки». А самые первые частушки А. Заволокин записал со слов одной из студенток, когда работал в Колыванском сельскохозяйственном техникуме. Потом после каникул частушки ему стали привозить и другие студенты, жившие в различных деревнях и селах Новосибирской области.

Бывая с концертами в деревнях и селах, братья Заволокины и сами попутно записывали частушки, побасенки, былички, пословицы, поговорки этих мест. Впрочем, фольклорная работа велась не только параллельно с концертно-исполнительской деятельностью. Ездили братья по деревням и селам и специально с целью сбора частушек.

Первым результатом их собирательской работы стала вышедшая в 1977 году в Новосибирске книжка «Сибирские частушки». Потом появятся сборники «Частушки Западной Сибири», «Сибирские побасенки» (1987).

Несколько особняком стоит в этом ряду книга, ставшая результатом специальной фольклорной экспедиции по шукшинским местам, предпринятой А. Заволокиным осенью 1979 года.

Случилось так, что братья Заволокины одновременно прочитали роман Василия Шукшина «Любавины» и, по признанию Александра, «были очарованы правдиво описанными сценами вечеров, где так душевно говорилось о гармонии, балалайке, песне и частушке». Тогда-то и возникла мечта-идея проехаться по местам знаменитого земляка и записать «частушки, говор земляков Василия Макаровича». Мечту Александр реализовал, и десять лет потом они с братом пели на своих концертах «Частушки родины Шукшина». А в 1986 году одноименную книгу выпустило Алтайское книжное издательство.

Еще одна встреча с творчеством Шукшина состоялась у братьев на съемках фильма «Праздники детства» по мотивам его рассказов. Обо всем этом А. Заволокин расскажет в большом очерке «В том краю, где красная калина...».

Шукшин был не единственным литератором, повлиявшим на творческую деятельность братьев Заволокиных. Надо сказать, что оба они были большими книгочеями, и вкусы их во многом сходились. Так, оба очень любили Есенина. Александр же Заволокин в эссе «Слово о песне» признается: «Лирика Есенина меня всегда радует,

⁶ Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 104.

будоражит воображение, держит «на плаву», придает мне жизненные и творческие силы»⁷. И каждый из братьев Заволокиных писал песни на есенинские слова.

А с некоторыми известными русскими поэтами-современниками Заволокины были знакомы лично и находились с ними в теплых дружеских отношениях. В частности, с Виктором Боковым, знатоком и страстным почитателем русской частушки и народной музыки. Однажды будучи в Новосибирске, точнее в селе Соколово Колыванского района, куда приехал для съемок телепередачи «Русская речь», автором и ведущим которой он являлся, Виктор Федорович подарил братьям свой двухтомник стихов, «на титуле которого, — как вспоминает А. Заволокин в очерке «У частушки — лицо гармонии» на одном дыхании, без единой остановки начертил автограф в стихах:

Геннадий и Саша,
Сибирь ваша!
Когда вы под балалайку и баян
Волнуете по середке и краям,
Залезаете в душу людскую —
Я строго взыскую — и по самой высшей шкале
Оцениваю вас в Соколове-селе!
Дай-то вам Бог счастливых дорог!⁸

Общим для братьев творческим сотоварищем был и известный новосибирский поэт Александр Плитченко, на стихи которого Г. Заволокин написал несколько песен.

Многие годы поставщиком текстов для песен братьев, и прежде всего Александра, был и другой стихотворец из Новосибирска — самодеятельный поэт из литературного объединения «Молодость» при ДК имени Клары Цеткин Петр Панасюк.

Упомянутое литобъединение, кстати, стало местом рождения звездного дуэта. Вот как вспоминает об этом А. Заволокин:

В 1973 году ему (объединению «Молодость» — А.Г.) исполнилось четверть века, и мы с Геннадием были приглашены на юбилейный вечер. Естественно, пришли мы с балалайкой и баяном. Мы исполнили песню на стихи Петра Панасюка < >, а затем спели частушки «Сир-бирь-бирь». Такого успеха мы не ожидали. И оригинальные тексты, и мелодия, и, очевидно, братское наше исполнение под баян с балалайкой пришлись литературной братии по душе. Так состоялось наше «крещение», так родился дуэт братьев Заволокиных»⁹.

Так что, как видим, литературно-музыкальная «смычка» в творческом «теле» братьев Заволокиных существовала всегда. При безусловном лидерстве музыкальной составляющей. Однако рано или поздно должна была ощутимо проявиться и сторона литературная, дать о себе знать вирус сочинительства. И это действительно случилось. Сначала у Геннадия. Время от времени он прищипривает Пегаса — создает тексты к собственным песням, пишет, кроме того, публицистические статьи и очерки о народном творчестве, которые публикует в центральной печати, в журнале «Сибирские огни». А в 1986 году в Москве выходит книга Геннадия Заволокина «Частушка на эстраде». Пройдет время, и Геннадий примерит на себя роль издателя — несколько лет он будет выпускать под своей редакцией иллюстрированный журнал «Играй, гармонь!».

Что касается Александра, то литературная грань его творческой натуры проявится несколько позже. У него обнаружится тяга к лирическому рассказу, короткой, но емкой новелле, миниатюре, или же малоформатному, за редким исключением, очерку, где он стремится показать либо человека с его судьбой и характером, либо передать какое-то поразившее, запавшее в душу впечатление, нарисовать картину природы.

⁷ Заволокин А. Родное и близкое. *Миниатюры, эссе. Сибирские побасенки.* — Новосибирск, 2007, с. 11.

⁸ Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 147 —148.

⁹ Там же, 2003, с. 113.

Но все это, так сказать, предпосылки. Что же касается конкретного толчка, импульса, приведшего в действие сочинительский механизм и побудивший взяться за перо, то по этому поводу А. Заволокин в одной из главок «Госпожи Частушки» пишет:

«Иду однажды по сузунской улице, догоняю двух средних лет женщин. Те «беспрестачи» о чем-то судачат. Не говорят, а тарабанят... Решил я этих тарабанщиц обогнать. А когда обогнал, решил на них взглянуть. Раз оглянулся, другой... Симпатичные женщины. И вдруг слышу от одной из них:

— Ну, чего крутишься?

— Здравствуйте! — вздрагиваю от неожиданности.

— Здравствуйте, здравствуйте, — отвечает женщина. — Ты прям как наша бабка Алена. Та тоже со всеми подряд здоровается. Привезли ее в город к дочке, она вышла на улицу — и давай по привычке со всеми, кто встретится, здороваться. Наконец, надоело ей поклоны каждому по отдельности отпускать, она тогда начала: «Здравствуйте всем! Здравствуйте всем!» Строгого склада и поведения бабулька была. Я как-то спросила у нее: «Как вы раньше жили?» А она: «Кто как. Кто так и сяк, ни с чем пирог ел. А некоторые уважительно жили к людям. И меня матушка уважительности учила. Ты людей уважаешь — они тебя тоже. Почему в войну, как ни голодно-холодно было, жили лучше, чем сейчас? Потому что беду в каждом доме ждали. Оттого и уважение было...».

Меня так тронула эта встреча со случайными моими собеседницами, что я записал эту историю на бумагу. С тех пор вот и записываю все, что кажется интересным, что поразило воображение. Записей этих становится все больше и больше. Но именно та встреча побудила меня на доброе, я надеюсь, дело»¹⁰.

Все, вроде бы, очень просто: услышал нечто заслуживающее внимания, зафиксировал на бумаге. Но записать — полдела. Важно ведь еще и понять-почувствовать, что увиденное или услышанное будет интересно не одному тебе, но и другим, что и других оно заставит сопереживать. А для этого понимания-предвидения и слух особый нужен, и зрение, и интуиция. А ими А. Заволокин обделен не был.

Сказался тут, конечно, и опыт собирателя-фолклориста. По признанию Александра Дмитриевича, после записи уже первых тысяч частушек он стал реагировать буквально на любое живое и меткое народное слово, сказанное вовремя и в лад. Да и тяготение к малоформатным жанровым формам, в которых на ограниченном словесном пространстве можно достигать значительной глубины, тоже шло у А. Заволокина от частушки, которую он воспринимал как маленькую поэму. Частушка, утверждал он, это «поэма в четыре строки. Поэма о жизни: тяжелой и чудесной. Поэма о любви: ранящей и возвышающей. Поэма об эпохе: сложной и вселяющей надежду. Поэма народа о себе самом»¹¹.

Своего рода микропоэмами о жизни вокруг, о жизни такой, какая она есть, являются по большей части и литературные произведения А. Заволокина. Обычно они лишены какого-то стройного сюжета. Само естественное течение земного существования становится бесконечно многообразным в своих проявлениях сюжетом. Сценка за сценкой, эпизод за эпизодом, одна житейская история за другой — тклет Заволокин «живую паутинку» жизни (так назвал он одну из миниатюр и книг своих, которые очень точно и выразительно это подчеркивают) русского народа, сибирской глубинки.

Внешняя бессюжетность многих заволокинских произведений не мешает оставаться им внутри себя прочно спаянными и цельными, ибо в каждом из них есть четкий смысловой стержень, ключевая мысль, их цементирующие.

Вот зарисовка «Отцовская карьера». Герой ее вспоминает о прошлой жизни, о лошадях, которых всегда любил он и понимал, с которыми имел дело большую часть своей жизни. А жизнь к закату сложилась так, что лошадей теперь, живя в городской квартире, приходится видеть лишь по телевизору. А ему это — нож по сердцу:

«— Жалко мне, ох, жалко...

¹⁰ Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 153.

¹¹ Там же, с. 176.

Отец содрогнулся весь, нервно сжал губы и замолчал. Потом нараспев каким-то чужим голосом, с трудом вымолвил: — Ка-арьера моя кончилась... Все, что знал, умел, применить сейчас некуда. До-ожил... Кто я теперь — никто. Гайки, машины — это не мое, да я их и не любил никогда. Лошадей вижу — плачу. Дело мое любимое было... Ох, любимое дело...»¹²

Налицо, как видим, драма человека, лишившегося главного дела своей жизни.

Ключевая мысль в произведениях А. Заволокина искусственно не выпячивается, не формулируется, а вырисовывается по ходу повествования. Как происходит это, например, в лирической зарисовке «За облепихой».

Мать с сыном отправляются собирать дикую облепиху. Мать впервые за весну и лето вырвалась из круга бесконечных домашних забот. На пути пшеничное поле. При виде его у матери наворачиваются слезы. Встав на колени, «она трогала руками колосья, обнимала их, гладила и чуть слышно приговаривала: — Хлебушко! Батюшко!..» А когда позже сын спросил, почему она плакала, мать ответила; «Как увидела поле, колосья, сердце мое зашлось. Я ведь с детских лет хлеб на Алтае убирала... Тут заплачешь... С детства я к нему приучена была...»¹³

За весьма расхожей, в общем-то, мыслью, что «хлеб — всему голова», что он — основа основ сельского бытия, просматривается здесь еще и глубинная суть характера крестьянина-хлебороба.

О близких и дорогих сердцу людях у А. Заволокина написано немало. В книге «Живая паутина», например, им посвящен целый раздел из нескольких десятков новелл и миниатюр под говорящим за себя названием «Дорогие мои земляки». И к ним он каждый раз возвращался снова и снова.

Чем особенно богаты и интересны литературные произведения А. Заволокина, так это как раз человеческими характерами. Но персонажей своих он специально не ищет. Они либо всплывают из памяти, воскрешая далекое детство («Дед», «Пастух», «В то далекое время», «У меня есть гармошка...»), либо встречаются в гастрольных поездках, деревнях и селах, где приходится бывать с концертами («Федя Добренских из Каревки», «Репочка», «На земле и под водой...»), или же просто оказываются случайными попутчиками в поездах, электричках, соседями по дому или даче... Но все они, так или иначе, олицетворяют народную жизнь, простого русского человека.

Простого, но, заметим, не примитивного. Каждый заволокинский персонаж по своему самобытен и оригинален, в каждом есть своя особенность и изюминка.

Нелишне отметить и своеобразный их юмор: с хитроватым прищуром, намеком, а подчас и мудрой назидательностью в подтексте. Как, например, в миниатюре «С душою сажил».

Сажали два соседа картошку. Один все делал добросовестно, любовно и собрал хороший урожай, другой работал спустя рукава и поимел соответствующий результат.

— А как ты, Иван, такую картошку вырастил? — удивляется сосед.

— С душою сажил.

— Вот как?.. А я один сажил... — погоревал сосед»¹⁴.

Во многих своих произведениях А. Заволокин проявляет завидное умение ограниченными художественными средствами показать в человеке самое существенное. А то и вовсе с помощью какого-либо штришка или характерного словца удается ему высветить человека, что называется, до донышка. Как происходит это в миниатюре «Легко».

Легко — любимое словечко ее героя Мишки Кругликова. Ему все «легко», за что бы ни взялся. И живет он так же легко, не задумываясь ни о чем всерьез, скользя по поверхности, не пуская корней.

¹² Заволокин А. Живая паутина. Рассказы. Очерки, миниатюры. Изд. 2-е. — Новосибирск, 20005, с. 92.

¹³ Там же, с. 25.

¹⁴ Там же, с. 112.

И невольно вспоминаются рассказы Василия Шукшина. Ощущается у А. Заволокина духовная с ним близость, слышна переключка — в характерах персонажей (один, как-никак, пласт народной жизни сибирской глубинки разрабатывали), в манере изображения.

Впрочем, слышны отголоски не только шукшинской прозы. В очерке «Река жизни» Обь под пером А. Заволокина предстает в образе поражающего воображение космогонического родового дерева для всех «земляков-сибиряков», живущих на ее стволе-русле и ветвях-притоках. Подобного же рода гиперболический образ возникал ранее в одном из стихотворений А. Плитченко («Обь — великое древо Азии...»).

И такие «переключки» и «влияния» с точки зрения процесса творческого роста и становления любого автора вполне естественны.

В мире заволокинских произведений живут люди самые разные — хорошие и не очень, со своими достоинствами и недостатками. Нет только среди них злых и жестоких. Не потому, что таких вообще не существует на земле. Просто в рассказах и миниатюрах А. Заволокина им не находится места. Ибо очень верит автор в доброту людскую. Как верит и в то, что превыше всего на свете — любовь! Потому книги его насквозь пронизаны светлой и теплой любовью к жизни, к человеку и, конечно же, родной земле. Нерасторжимую с нею связь А. Заволокин подчеркивает во многих своих произведениях.

«Радовался я и восхищался краями южными, краями северными, но только ты, родная сторона, всех ближе мне и дороже. Твои частушки, говор, песни и души людские — все это крепко-накрепко сидит в моем сердце, волнует его и трогает до боли. Не разлюбить мне тебя никогда, край мой отчий, земля, у которой такое строгое и нежное, как подснежник, красивое имя — Сибирь». Родная сторона! Ты для меня все: надежда, радость, мечты...»¹⁵

Этим насколько же лирически взволнованным, поэтичным, настолько и страстно-патетическим признанием завершается миниатюра «Родная сторона». Она, кстати, открывала ту, дебютную, подборку в журнале «Сибирские огни». И со временем окажется — совершенно не случайно. Ибо задавала тональность и направление всему дальнейшему литературному творчеству А. Заволокина. Патриотическому по сути и лирическому по форме выражения.

Но далеко не всегда (и даже достаточно редко) восхищение «родной стороной» передано А. Заволокиным в таких вот возвышенных тонах. Обычно голос его негромок, мягок и задушевен. В неброских, но запоминающихся красках и деталях запечатлевает он, как правило, и увиденное вокруг. Лучше всего, пожалуй, видно это в зарисовках и миниатюрах А. Заволокина, посвященных родной природе.

В миниатюре «Старая береза» он пишет:

«Мне показалось: сухая, старая замшелая береза вдруг зимой ожила. Опушил, обнял ее ветки мягкий, липкий снежок, а скупое зимнее солнце на закате бросило на нее теплый сиреневый свет, и береза зардела, расцвела. Загорелся, засветился ее вечерний наряд. Единственный и последний в жизни наряд»¹⁶.

Уже по одному этому своего рода «стихотворению в прозе» видно, что А. Заволокин красоту родной земли ценит не меньше остальных ее достоинств. Именно через нее, красоту, в первую очередь и начинается духовное единение с родиной.

Немалое место в прозе А. Заволокина составляют рассказы, очерки, зарисовки о музыкантах, гармонистах, исполнителях частушек, превратностях артистической жизни — то есть о том, что было до последних его дней неотъемлемой частью судьбы самого Александра Дмитриевича. В основе своей, по фактуре они чаще всего документальны, отражают ту или иную реальную ситуацию, конкретный случай. Рассказывают, например, как рождалась знаменитая песня Г. Заволокина «Я — деревня, я — село...», как проходили съемки телепередачи «Играй, гармонь!» («Снежный вальс», «Съемка на

¹⁵ Заволокин А. Живая паутинка Рассказы. Очерки, миниатюры. Изд. 2-е. — Новосибирск, 20005, с. 13.

¹⁶ Там же, с. 36.

Шаболовке»...), или же о каких-то забавных случаях из концертной практики («Песенная Поляна», «Зеленый концерт», «Кунчурукский пирог»...). Вместе с тем и по форме, и по авторскому мироощущению это самые настоящие лирические новеллы, пронизанные светом, теплом и любовью к тем, о ком в них говорится. Органично дополняя произведения А. Заволокина о родной земле, природе, о встречах на жизненных дорогах, они составляют с ними как бы единое художественное целое, отображающее мощный пласт народного бытия и культуры.

Значительное место в литературном творчестве А. Заволокина занимает тот период их братского дуэта, что связан был с телепередачей «Играй, гармонь!» и ансамблем «Частушка». О рождении и истории этого музыкального коллектива, появившегося в 1987 году, его артистах А. Заволокин подробно расскажет в книге «Госпожа Частушка» в цикле очерков «Золотая десятка». Детали же и подробности предельно насыщенных, очень нелегких, но и удивительно плодотворных творческих будней самих братьев Заволокиных, не щадя сил трудившихся много лет в одной связке, читатель может найти во многих других произведениях Александра Дмитриевича, разбросанных по его книгам.

Со стороны может показаться, что взаимоотношения братьев были если и не идиллическими, то наверняка прекрасными и безоблачными. Но в действительности складывались они непросто и неоднозначно. В братском дуэте Геннадий не только безоговорочно лидировал, но и нередко проявлял прямо-таки диктаторские замашки. Впрочем, ощущал это не один лишь Александр, но и артисты «Частушки». Руководителем он был жестким, авторитарным, требовавшим безоговорочного подчинения. Часто и с братом не церемонился. На что Александр не раз и мне жаловался. Вместе с тем, заведомо отодвигая брата на второй план, Геннадий ревниво, даже несколько подчас нервно, относился к его успехам. Литературным том числе.

В зарисовке «Перепутали», вспоминая литературный дебют в «Сибирских огнях», Александр Дмитриевич пишет:

«Я поделился своей радостью с Геннадием, показал ему календарные листочки с моими миниатюрами. Он долго, чуть ли не на свет, рассматривал их, пучил глаза, крутил носом, недоверчиво хмыкал, а потом выдохнул:

— Да издатели просто тебя со мной перепутали!

Я долго потом смеялся...»¹⁷

Надо сказать, что Геннадий и в дальнейшем к литературным опытам брата относился с недоверием. Однажды прямо при мне сказал, что Александру просто очень повезло с редактором и что если бы не редактор... Про «редактора» слышать было, конечно, лестно, но безоговорочно согласиться с Геннадием я никак не мог. Александр рос на глазах, и в новых своих вещах он как художник слова был все более самостоятелен и мастеровит.

* * *

Со временем отношения братьев обострялись все сильнее. Не буду вдаваться в тонкости и глубины этого процесса. Но в 1998 году в семейном дуэте произошел давно назревавший разрыв. Александр расстается с братом и уходит из «Частушки». А в 1999 году создает свой ансамбль под названием «Вечёрка» из молодых музыкантов, в числе которых и его сын Антон. Отныне еще недавно неразлучные братья пошли своими дорогами.

Фактически с этого же времени резко активизируется и литературная деятельность А. Заволокина. В «нулевые» (с 2000 по 2010) годы выходят шесть его книг. Собственно, самое интересное и значительное было написано и явлено А. Заволокиным читателю именно в это время. Складывалось впечатление, что, избавившись от верховенства брата,

¹⁷ Заволокин А. Вот так они и жили. *Рассказы. Очерки. Эссе.* — Новосибирск, 2010, с. 23.

он вздохнул, наконец, свободно, расправил крылья и отправился в вольный полет, где засверкал новыми гранями своего дарования. Заметно было это как по литературному, так и по музыкальному его творчеству. Молодой ансамбль колесил по российским городам и весям, радуя своим искусством и обретая все больше поклонников. А его художественный руководитель, помимо привычных балалайки и баяна, не расставался теперь с ручкой и карандашом, фиксируя все новые примечательные эпизоды и сюжеты бурлящей вокруг жизни, которые становились кирпичиками будущих книг.

И все-таки братья и после размежевания оставались братьями. Помнили друг о друге, следили за творческими делами и даже сходились, хоть и крайне редко теперь, на одной сцене. Как случилось это весной 2001 года на юбилейном концерте А. Заволокина в Новосибирской филармонии, посвященном его 55-летию. Собственно, по инициативе Геннадия тот концерт и состоялся и организован им был. Он же его и вел. И выступал, как в прежние добрые времена, в паре с братом. И сыновья их, Антон с Захаром, братья двоюродные, певшие, как их отцы, дуэтом, тоже прекрасно звучали и смотрелись и заставляли думать, что эти крепнущие молодые побеги достойно продолжают начатое Заволокиными грандиозное дело поддержания и сохранения народной культуры.

Но, увы, это будет последним совместным выступлением легендарных братьев. Через несколько месяцев, в июле 2001 года, Геннадий Заволокин погибнет в автокатастрофе под селом Шарап в Ордынском районе Новосибирской области.

Несколькими годами ранее в подмосковном Звенигороде при исполнении служебных обязанностей погиб старший брат Анатолий, майор милиции. В одной из миниатюр А. Заволокина («Сибирский кедр») он позже предстанет в образе могучего кедра богатырской стати, которого однажды «свалила... под корень злая бандитская рука». И вот новая невосполнимая потеря...

О том, насколько сильно и глубоко переживал Александр Дмитриевич смерть Геннадия, красноречиво свидетельствует целый ряд посвященных этому горестному событию его произведений, лейтмотивом которых может служить фраза, которой заканчивается одно из них: «Плачу, терплю, люблю, помню!..».

Ни при жизни Геннадия, ни тем более после его ухода, Александр, даже при упоминании случившегося между ними разлада, никогда не отзывался о брате негативно. И не потому, что о мертвых плохо говорить не принято. Просто он всем сердцем, несмотря ни на какие их разногласия, любил Геннадия и, наверное, как никто более, понимал истинный масштаб его дарования, его творческой и духовной личности. В эссе «Две березы» Александр Дмитриевич пишет:

«То, что делал Геннадий Заволокин своим творчеством, — это, конечно, подвиг, высокое подвижничество. Через телепрограмму «Играй, гармонь!» он сумел огромное число россиян приобщить к народной культуре, а через нее — и к православной христианской вере. < > Через частушки и песни, через народную песенную культуру Геннадий Заволокин нашел твердый и надежный путь к душе человека, и сам сумев при этом подняться к горным высотам Духа. Своим творчеством он мощно противостоял разрушительному масскульту с его аморальными и полностью безнравственными «окнами», «домами-2» и прочей телевизионно-попсовой зловонной гнили. Теперь, когда его нет, с особой остротой чувствуешь, какого богатыря русской духовности, радетеля и защитника народной культуры потеряла в лице Геннадия Заволокина Россия»¹⁸.

Хочу добавить, что слова эти в полной мере относятся и к самому Александру Дмитриевичу, ибо многие годы Геннадий опирался на его надежное плечо, вместе с ним «через народную песенную культуру» прокладывал «путь к душе человека» и противостоял масскульту. И не один только Геннадий, а оба брата Заволокины были и, надеюсь, останутся навсегда в нашей памяти истинными «богатырями русской духовности».

¹⁸ Заволокин А. Вот так они и жили. *Рассказы, очерки, эссе, миниатюры*. — Новосибирск, 2010, с. 15 — 16.

А жизнь продолжалась. Только теперь Александр Дмитриевич работал как бы за двоих: за себя и брата. Нет, он не вернулся в передачу «Играй, гармонь!» Ее теперь вели дети Г. Заволокина Анастасия и Захар. Он же продолжал свой путь с ансамблем «Вечёрка», сохраняя заложенные ими, братьями, традиции и неповторимый заволокинский исполнительский почерк.

В начале 2000-х «Вечёрку» трудно было застать дома. Ансамбль не вылезал из поездов. В одном из своих интервью, подводя итоги завершающегося года, А. Заволокин отметит: «Год 2003-й был очень насыщенным. С ансамблем «Вечёрка» много гастролировали по России. Только с августа и до конца года дали около ста концертов. А до этого были поездки в Павлодар, по Кировской и Тверской области, на Алтай, в Кузбасс...»¹⁹

С Кузбассом у А. Заволокина и его творческого коллектива были особенно теплые дружеские отношения. Здесь их едва ли не боготворили. В том же интервью, вспоминая о выступлениях в Кузбассе, Александр Дмитриевич рассказывает: «На одном из концертов присутствовал Аман Тулеев. Во время исполнения Андреем Киреевым (артист «Вечёрки» — А.Г.) песни «Выходил на поля молодой агроном» он, как ребенок, подпевал и радовался. После концерта всем артистам вручил денежные премии, а мне — юбилейную медаль «60 лет Кемеровской области», чем очень горжусь»²⁰.

Не менее гордился Александр Дмитриевич и другой наградой угольного края — почетным званием «Лауреат премии Кузбасса», которое ему было присвоено «за значительный вклад в сфере культуры». К сожалению, у себя на родине творчество А. Заволокина никогда и никаким образом официально не отмечалось. Вот уж поистине — «в родном отечестве пророка нет»!..»

Впрочем, не будем говорить за все «отечество». Напротив, утверждал А. Заволокин: «Последние поездки по стране показывают, что интерес к живой музыке, песне и частушке все больше растет»²¹.

И не только, как оказалось, в самой России. По приглашению немецкой стороны, в марте-апреле 2006 года ансамбль «Вечёрка» целый месяц гастролировал по югу Германии. Выступали в Мюнхене, Зальцбурге и еще целом ряде баварских городов. И везде имел большой успех. Впечатлениями об этой замечательной поездке Александр Дмитриевич поделится с читателями в путевом очерке «Из дальних странствий...», написанном очень живо, непосредственно, наблюдательно. Общаясь с жителями Германии, он приходит к выводу, что «очень любят немцы живую инструментальную музыку, в частности, баян, гармонь». А завершается очерк признанием: «Богатства» никакого мы оттуда не привезли, а душевная радость от концертных выступлений в этой стране и встреч с немецкими друзьями живет до сих пор»²².

В «нулевые» годы резко активизировал А. Заволокин и литературную деятельность. Если к двухтысячному году у него вышло две книги — «Золотые планки» (1997) и «Речка-судьба» (2000), то в последующее десятилетие еще пять — «Живая паутинка» в двух изданиях (2001 и 2003), «Госпожа Частушка» (2003), Родное и близкое (2007) и «Вот так они и жили» (2010). Кроме того, вышли в эти же годы несколько сборников, в которых А. Заволокин был составителем.

И, надо заметить, он не испытывал проблем с распространением своей книжной продукции. В отличие от подавляющего большинства нынешней пишущей братии. Напротив, книги его расходились с завидной быстротой. Хотя тираж их — 3000 экземпляров — по сегодняшним меркам был немалым. Более того, приходилось иной раз допечатывать, а «Живую паутинку» и «Речку-судьбу» еще и переиздавать. Тут, конечно,

¹⁹ Иванченко Олег. Оберегать истоки народной культуры (Беседа с Александром Заволокиным). // «Вечерний Новосибирск», декабрь, 2003 г.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 107.

надо принимать во внимание, что главным читателем Александра Дмитриевича был его же зритель. На концертах Заволокина — перед их началом, в антрактах — книги его расходились влет — как горячие пирожки. К автору выстраивались очереди, а он и тут, как несколько минут назад на сцене, трудился в поте лица, до третьего звонка раздавая автографы.

К автографам Александр Дмитриевич относился серьезно, творчески, а не отделивался банальным: «На память. Автор». Или же просто росписью. Для каждого, кто просил подписать его книгу, он пытался найти свои слова. На последней странице обложки последней книги Александра Заволокина «Вот так они и жили» как раз и запечатлен момент, когда Александр Дмитриевич, раскрыв книгу на титульном листе, думает над очередным автографом читателю (в данном случае — читательнице). Не берусь гадать, какой автограф ей оставил, но наверняка знаю, что, кроме теплых слов, пририсовал Александр Дмитриевич традиционный цветочек, которым одаривал читательниц.

Есть и у меня несколько его книг с теплыми дружескими пожеланиями, начертанными размашистым, но аккуратным и разборчивым почерком.

«Ну, брат, спасибо тебе за все! — написал он на титульном листе «Речки-судьбы» — Алексею Горшенину — духа, побед тебе и благоденствия!»

«Как всегда с благодарностью. Спасибо, спасибо, спасибо! Всех тебе земных благ!» — расписался Александр на книге «Живая паутина».

«С особой благодарностью, да и еще будем-пребудем!» — начертал он на титуле «Госпожи Частушки».

А на книге «Вот так они и жили», подаренной мне с некоторым запозданием (не вылезал из гастролей), написал: «Дорогому Алексею Валериевичу! Моему «годку» (мы родились с Александром Дмитриевичем в один год, только я на два месяца позже) Спасибо за понимание, за все доброе, светлое! Дружески».

Книга эта станет у музыканта и писателя А. Заволокина последней. Да и сама жизнь его через два с небольшим года после ее выхода преждевременно оборвется...

Их общее братское дело, которое они начинали, выпуская совместные книги, Александр Дмитриевич продолжил и в своей собственной литературной деятельности. Выше я уже упоминал о книге Геннадия Заволокина «Частушка на эстраде». Через семнадцать лет Александр Дмитриевич в продолжение темы выпустит книгу «Госпожа Частушка», где поделится с читателями своими размышлениями об этом уникальном жанре. Но если книга Геннадия больше музыковедческая и публицистическая, то «Госпожа Частушка» больше тяготеет к художественному воплощению темы, в котором А. Заволокин весьма, надо сказать, разнообразен и изобретателен.

Книга «Госпожа Частушка» — это достаточно органичный сплав добротной прозы, живой публицистики, воспоминаний о ярких моментах артистической жизни, размышлений о жанре, которому отдана была вся музыкальная жизнь ее автора. Причем, не только он сам ведет разговор с читателем, но и ему дает слово. В завершающем книгу разделе «Обратная связь» воспроизведены многочисленные частушки, рождавшиеся прямо на заволокинских концертах авторами которых были зрители. Многие из них были посвящены самим братьям.

«...Частушки о нас...сыпались со всех сторон: от гармонистов, самодеятельных артистов и даже профессиональных литераторов, поэтов, — пишет А. Заволокин. — Они шли нам по почте, десятками в записках, попадали на сцену из зрительных залов во время концертов. Зрители писали частушки на билетах, на медицинских рецептах, водительских путевках, салфетках... Кто подписывался полностью, с фамилией, именем и отчеством, кто просто писал свое имя, чаще всего указывали лишь ряд и место свое в зрительном зале. Приезжая домой с гастролей, мы порой привозили по полному целлофановому мешку, набитому такими вот, на чем попало записанными, частушечными текстами. < >

Иной раз на концертах возникали целые частушечные перепалки, в которых и коллизии свои были, и даже нечто подобное любовным интригам...»²³.

Как и сами братья Заволокина, разные по характеру, их книги отличаются по авторской манере, подходу к одной и той же теме, общему для них материалу. Но, безусловно, роднит их поистине благоговейное отношение к «госпоже Частушке», с одной стороны, как уникальному музыкально-поэтическому жанру и одной из важнейших основ народной культуры, а с другой — как к «явлению Господнему».

* * *

Продолжил А. Заволокин в «нулевые» годы еще одно «литературное» дело, которое они начинали когда-то вместе с братом, и связанное с собиранием жемчужин народного творчества. Кроме частушек, это сибирские побасенки, байки, различного рода «шутки, усмешки, прибаутки» и прочая «всякая-всячина» и «собируха» народно-фольклорного происхождения, которая органично дополняет в книгах А. Заволокина его «оригинальные» произведения. Собирацию Александр Дмитриевич отдавал много времени и сил. Один из его бывших коллег по ансамблю «Частушка» Олег Иванченко вспоминает:

«Куда бы ни приводили его гастрольные дороги, он (А. Заволокин — *А.Г.*) за кулисами, в антракте или во время концерта, «на натуре» съемок передачи «Играй, гармонь!» всегда чутко прислушивается к происходящему вокруг, подмечает каждую мелочь, каждое заинтересовавшее слово, а по вечерам в гостиничном номере, в автобусе или на вокзале аккуратно записывает удивительные по разнообразию и богатству фантазии присказки, частушки. Так происходило всегда в разных районах нашей необъятной России...»²⁴

Сам же Александр Дмитриевич к нескончаемой этой работе относился как к важной для себя творческой задаче и культурно-патриотической миссии. Предваряя публикацию юмористического цикла «Собируха про Гвоздя», он пишет:

«Живое народное слово, говор — это богатейший мир разнообразных чувств, житейских образов, сказочных персонажей и ощущений. Через этот мир человек еще раз открывает себя и определяет свое предназначение на земле. Насколько ему удастся понять слово, проникнуть в глубину его и тайну, настолько человек — патриот своей Родины, своего народа, настолько он причастен к окружающей его жизни, делам, людям. Через живое народное слово по-новому слышим мы и воспринимаем такие слова, как Земля, дед, мать, Отчизна»²⁵.

Что касается выпуска частушечных сборников, которые когда-то они взялись издавать с братом, то А. Заволокин задумал в продолжение целую их серию под общим названием «Частушки от братушки». В 2003 году увидел свет первый выпуск. Всего же Александр Дмитриевич успел издать шесть. И я думаю, что их, проживи он дольше, могло быть гораздо больше, потому что и без того его огромная коллекция частушек постоянно пополнялась.

В одной из своих «затесей» «Последняя радостная симфония России» (отрывок из нее Александр Заволокин включил в книгу «Вот так они и жили»), Виктор Астафьев писал:

«...Когда смотрю и слушаю по телевидению дивное действо под названием «Играй, гармонь!», меня всегда душат слезы. А душат меня слезы не только от восторга, но и горестного сознания того, что братья Заволокины вместе с остатками нашего замороженного народа творят последнюю радостную симфонию России. «А Русь в

²³ Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 218.

²⁴ Иванченко О. Для радости душевной. // «Частушки от братушки». «. Выпуск второй. — Новосибирск, 2004, с. 3 — 4.

²⁵ Заволокин А. Родное и близкое. Миниатюры, эссе. Сибирские побасенки. — Новосибирск, 2007, с.182.

сиреновом дыму и плачет, и поет...» — не раз про себя повторял я, слушая русскую гармонию, а она переборы льет-заливается, а из груди стон: «Да куда же? Зачем? Почему все уходит?» И братья крепыши-сибиряки, и подвиг их творчества ужели напрасны? Где, из чего взять веру в завтрашний день, ведь она без народной музыки, без пляски, песни и радости невозможна. Сброд и шпана рожают сбродное, злобное искусство, народ — народное, ликующее. Где же наш народ? Куда он улетел? Куда уехал? Убыл надолго ли и песни с собой унес?...»²⁶

Однако же всей своей творческой практикой (и музыкально-артистической, и литературно-фольклорной), сначала вместе с братом, а потом и сам-один А. Заволокин как бы отвечая и возражая выдающемуся русскому писателю, утверждал, что не «улетел», не «уехал», «не убыл» никуда народ русский со своей музыкально-песенной и словесно-языковой культурой. Что он «жив, курилка». Что, несмотря ни на что, культура народная пробивается сквозь асфальт и бетон сбродного попсового масскульта, коробит и рушит его. И убедительно иллюстрирует это Александр Дмитриевич в своих книгах многочисленными красноречивыми примерами, почерпнутыми из самой гущи народной жизни.

И «веры в завтрашний день» А. Заволокину тоже было не занимать. И не только из-за зрительской благодарности, вдохновлявшей его на новые и новые творческие усилия. Он ведь и сам творил «завтрашний день», создавая и пестуя ансамбль «Вечёрка». Александр Дмитриевич видел за молодым поколением «народников» будущее и был убежден, что именно им, этим замечательно одаренным и прекрасно музыкально образованным ребятам предназначено дальше сохранять основы народной культуры, продолжать ее традиции. Потому и желает артистам «Вечёрки» «счастья на долгие годы и творческих удач». И дает им свое «родительское» напутствие: «Да будет благословенен ваш труд!»²⁷

«Песня — моя жизнь. < > Я считаю себя счастливым человеком. И в первую очередь потому, что мне довелось душой и сердцем прикоснуться к жемчужинам народной русской песни», — признается А. Заволокин в эссе «Богатство народной песни»²⁸. Но и к самоцветному русскому слову — фольклорному ли, литературному, без которых и песня не может существовать, — тоже. Причем в качестве автора собственных текстов «прикоснуться» таким же тесным образом, как и композитора и исполнителя. Так что жизнь в музыке и жизнь в слове, в том числе и слове литературном, становятся для А. Заволокина со временем органично взаимосвязанными сторонами одной «медали» его творческого бытия.

* * *

От книги к книге росло литературное мастерство А. Заволокина. Он и здесь все увереннее переходил на профессиональные рельсы. В 2011 году собрание Новосибирской писательской организации рекомендовало Александра Дмитриевича для приема в Союз писателей России. Я был одним из его рекомендателей. Довольно быстро решение собрания утвердила Москва. Осталось получить членский билет. Передавались писательские удостоверения в местные отделения либо с оказией, либо, если кому из новоиспеченных членов удавалось самим вырваться в столицу, получали их непосредственно на Комсомольской 13.

Александр Дмитриевич тоже рассчитывал на последний вариант. Из-за плотного гастрольного графика, попасть в Москву никак не получалось. А потом случилась трагедия...

²⁶ Заволокин А. Вот так они и жили. *Рассказы, очерки, эссе, миниатюры*. — Новосибирск, 2010, с. 268 — 269.

²⁷ Там же, с. 182.

²⁸ Там же, с. 30— 31.

Только что вернувшись из очередной поездки в Кузбасс, Александр Дмитриевич позвонил мне:

— Валериевич, дорогой, — сказал, — надо бы встретиться. Давно не виделись. Не пересекались мы действительно давненько.

— Я тут кое-что насобирал и набросал для новой книжки. Когда увидимся, заодно и покажу.

Мы договорились сойтись у него дома через два дня, в ближайшую субботу.

А в субботу позвонила Раиса Васильевна и сообщила...

Проблемы с сердцем были у Александра Дмитриевича не первый год. Даже операцию на коронарных сосудах ему в клинике Мешалкина делали. Но ненадолго она его уберегла. Изматывающий ритм (а скорее — аритмия) и темп разъездной артистической жизни, не слишком здоровый образ жизни, я думаю, и доконали его окончательно. Сердце не выдержало...

22 сентября 2012 года Александра Дмитриевича Заволокина не стало. Случилось это шокирующее неожиданно. Словно бы на полном ходу упал он, как подкошенный, и больше не поднялся. Шел ему 67-й год. На одиннадцать лет пережил младшего брата, но так же, как и Геннадий, много чего не успел сделать, из задуманного осуществить.

...И снова возвращаюсь я к эссе «Две березы».

Начинается оно с воспоминания о березах во дворе родительского дома, что в Новом поселке под Новосибирском. Приезжая сюда в гости Александр с Геннадием «летними звездными вечерами не раз простаивали допоздна под «божественной чистоты и белизны» березами, привалившись к ним спинами. Говорили о песне, частушках, работе на эстраде, телевидении, о делах больших и малых, размышляли, мечтали. Мы и сами тогда, — говорит автор, — были сродни родительским тем березам: два брата — две березы»²⁹. А в финале эссе эти же березы предстают в образе грустных подружек, скорбящих об ушедшем. И для автора они «как вечная память» о младшем брате.

Сегодня, когда не стало уже и брата старшего, несколько по-другому видятся те заволокинские березы. Не покидает ощущение, что по закону реинкарнации души братьев переселились в них, перевоплотились в этот белоствольный «березовый» дуэт, который, в свою очередь, стал символом вечной памяти о них самих, братьях Заволокиных, и их подвижничестве на трудной стезе возрождения и сбережения народной культуры.

²⁹ Заволокин А. Вот так они и жили. *Рассказы, очерки, эссе, миниатюры.* — Новосибирск, 2010, с. 15.

